

¹⁶ Справочная книга о лицах, получивших на 1867 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1867. С. 43; РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4747.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1350.

¹⁸ «А все лучше записать прошедшее, чтобы читать в будущее время от скуки»: Дневник купеческого сына А. Н. Тарасова. 1848–1851 гг. / Публ. М. А. Смирновой // Исторический архив. 2014. № 5. С. 138–164. Далее ссылки даются на публикацию.

¹⁹ Краткий отчет о новых поступлениях [Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина] за 1939–1946 гг. / Под ред. А. И. Андреева. Л., 1951. С. 60.

²⁰ «А все лучше записать прошедшее... С. 140.

²¹ Там же. С. 142.

²² Там же. С. 156.

²³ Там же. С. 155.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ Там же. С. 142.

²⁶ Там же. С. 142.

²⁷ Краско А. В. Петербургское купечество... С. 21–22.

²⁸ «А все лучше записать прошедшее... С. 148.

²⁹ Там же. С. 156.

³⁰ Краткий исторический очерк возникновения и устройства Елисаветинской богадельни Елисеевых: (По поводу пятидесятилетия со дня ее учреждения): 1856 г. – 18-го окт. – 1906 г. СПб., 1906. С. 8.

³¹ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. С. 377–379; РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4743. Л. 2.

³² Краско А. В. Петербургское купечество... С. 21–22.

³³ Там же. С. 200–201.

³⁴ Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: Ист. справ. СПб., 2000. С. 344, 518.

³⁵ См.: Офенгейм А. Т. Семья Тарасовых в Петербурге... С. 44–45.

³⁶ «А все лучше записать прошедшее... С. 141.

³⁷ РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (33/97). Д. 132. Л. 33–34 об.

³⁸ Майорова А. С. Дневник купца Д. М. Вакурова в Госархиве Саратовской области // Отечественные архивы. 2015. № 6. С. 64.

Н. А. Четырина

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Возникшие вокруг Троице-Сергиева монастыря села и слободы в 1782 г. были преобразованы в Сергиевский посад. Посад — это городское поселение, не являющееся административным центром. На посады распространялись все права и привилегии городов. Посад отличался от уездного города (административного центра уезда) отсутствием подсудной территории (уезда), городничего с управой благочиния и других структур уездного управления¹. Население посадов принадлежало к городским сословиям — купечеству, мещанству, цеховым, разночинцам. Экономические крестьяне, ставшие

купцами и мещанами, получили большую свободу передвижения по стране для ведения коммерции. К тому же торговля при быстром обороте капитала способствовала его накоплению.

Рисунок 1. Вид Свято-Троицкой Сергиевой лавры со вjazdu из Москвы. 1800 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18861. Ч. 9. Л. 147)

Между купцами и мещанами непреодолимых барьеров не было, по существу, они были одним городским сословием. Купеческое звание нужно было ежегодно подтверждать наличием капитала. Любой мещанин при объявлении капитала становился купцом, любой разорившийся купец автоматически переходил в мещанство. По этой причине численность купечества постоянно менялась.

Первоначально, в 1782 г., в купечество Сергиевского посада записались 234 души мужского пола (далее — д.м.п.), но к 1798 г. купцов числилось уже 525 д.м.п.² На протяжении XVIII в. численность купечества Сергиевского посада увеличивалась, хотя минимальный размер суммы для записи в 3-ю гильдию несколько раз повышался. В начале XIX в. размер процентного сбора с объявленного капитала вырос с 1 до 1,5 %. Затем последовали тяжкие события Отечественной войны 1812 г. Хотя Сергиевский посад не был занят французами, но через него проходили и войска, и огромное количество беженцев. Как написал в своем прошении в ратушу купец С. П. Маскалев (Маскалев), он «с женою спасался в Ярославле. Когда возвратился домой, то в доме из числа имущества съестные припасы, провиант, фураж и прочее кем-то похищено было»³. Однако никакой компенсации или «избавления от платежа податей» в таком случае не полагалось. К тому же государство снова повысило процентный сбор с объявленного капитала — до 3 %. По этой причине многие посадские купцы предпочли переписаться в мещанство. И только в середине XIX в. местное купечество почти восстановило прежнюю численность. На момент IX ревизии 1850 г. она составляла 463 д.м.п.⁴

Наличие крупнейшего монастыря стимулировало развитие разнообразных форм сферы обслуживания. Сама обитель после секуляризации 1764 г. стала оптовым потребителем товаров и услуг. Огромное число богомольцев и проезжих стимулировало развитие розничной ежедневной торговли в лавках, во время еженедельных базарных дней и на трех ежегодных ярмарках в шалашах, палатках и балаганах, а то и просто на открытых полках. Торговые лавки располагались рядами в соответствии с назначением: щепетильные, мясные, калашные (хлебные), рукавишные, сыромятные и другие. К лавкам торговцы обязательно нанимали ночного сторожа для сохранности товаров. При этом многие купцы нарушали порядок и предпочитали торговать товарами вне своих рядов и лавок. Лавки обрастали палатками, навесами, ларями, погребями, обустраивались печами. Для привлечения состоятельной, платежеспособной публики некоторые торговцы старались «оклеить оныя [лавки] обоями в таком же положении, как у протчих на ряду, в лавке и перед лавкой полы и потолок сделать в порядке»⁵.

Наиболее выгодными считались места на Красногорском рынке, так как именно там, у самых стен лавры удобнее всего было покупать товар богомольцам, монахам, семинаристам. В 1784 г. по инициативе купцов братьев Н. С. и И. С. Матвеевских и А. Я. Мокеева с позволения лавры и по предложенному ею проекту были построены три лавки с единым фасадом (торговые ряды). Одновременно, несмотря на коллективное прошение группы купцов, московский митрополит Платон (Левшин) распорядился о сносе всех остальных «безобразия и опасность делающих» торговых мест на площади перед обителью. Сохранился проект лавок с двумя вариантами сметы: на деревянное (1256 руб. 15 коп.) или каменное (3883 руб. 10 коп.) строительство⁶. Однако, как пишет В. И. Балдин, купцы «скоро восстановили свои лавки вновь, не признавая прав лавры на Красногорскую площадь»⁷.

Другим центром торговли была площадь около Успенской церкви в Клементьеве. Точное количество лавок здесь не известно, но в 1783 г. там сгорело до 120 лавок. Пожар стал поводом для приведения этой части посада и торговой площади в надлежащий для городского поселения вид. Для «сочинения» плана был приглашен профессиональный архитектор, прапорщик Данилевский⁸.

Накануне Отечественной войны в 1811 г. указом Московского губернского правления было обнародовано решение, согласованное с митрополитом Платоном, о постройке в посаде силами купцов каменных лавок по определенному проекту («рисункам») в центре поселения — на Красногорском рынке и около Белого пруда. Уже после начала военных действий 11 июля 1812 г. в посад прибыл губернский архитектор Беляев и 17 июля «лавкам у Белого пруда закладка учинена», а на Красногорском рынке «за несломанием старых лавок» — нет. Тяготы войны только отложили строительство, но уже в июне 1813 г. торговцы его возобновили. Согласно заключенным контрактам, предусматривался обязательный осмотр работы архитектором и «без ведома его, с чьего бы приказания со стороны хозяев не было, никаких перемен в фасаде не делать»⁹.

Тем не менее, в июле 1813 г. при осмотре работ губернским архитектором Беляевым обнаружилось, что мещанин Никита Фролов самовольно выстроил каменную лавку «противно фасаду и делает безобразие». Для активизации процесса в августе того же года губернский архитектор требовал также «о понуждении к сломке старых деревянных лавок на Красногорском рынке купцов Матвеевского, Андрея Трегубова, Тарбинского, Харкова, Еллинкова, Матвея и Егора Трегубовых». В ноябре 1813 г. состоялось «освидетельствование строящихся лавок» в присутствии губернского землемера Жилина, членов ратуши и рядских старост, были вытребованы конфирмованные планы и фасады¹⁰. Здание обывательских торговых рядов на Красногорской площади находилось на ее восточной границе. Их чертеж-реконструкция сделан Е. В. Скрынниковой и опубликован. Историк-краевед К. А. Филимонов высоко оценивает эту постройку: «Главный, обращенный на лавру фасад этого протяженного и внушительного по размерам здания был решен в виде характерной для построек стиля “ампир” крытой арочной галереи. Благодаря своим размерам и архитектуре торговые ряды Сергиевского посада могли украсить любой уездный и даже губернский город»¹¹.

Позднее, в 1822–1825 гг. на северной границе Красногорской площади московским архитектором А. Ф. Элькинским были построены лаврские торговые ряды вместе с гостиницей, позднее получившие название «старой гостиницы». В этих рядах при каждой лавке нижнего этажа была палатка в промежуточном антресольном этаже¹². Видимо, именно в связи с этим строительством не позднее 1823 г. состоялось решение Комиссии для строения в Москве о сломке восьми обывательских лавок с денежной компенсацией их владельцам в 4000 руб.¹³ Спротивление купечества привело к тому, что в 1827 г. было предписано: «Тем же лицам, которые с дозволения начальства построили на сей площади лавки, выдать на владение оными данные (официальные документы, подтверждающие право собственности на недвижимость. — Н. Ч.) и за сим ... о тех лавках дело прекратить»¹⁴.

В 1830 г. ситуация повторилась. В полицейской части владельцам лавок был объявлен указ Московского губернского правления и сообщение из лавры об изменении принадлежности бывшей общественной земли позади лавок около Рождественской церкви и о сломке имевшихся на ней амбаров. 14-ю купцами была предпринята попытка бороться через суд за свои права¹⁵. В 1836 г. поступило распоряжение, чтобы в каменных торговых рядах, построенных купцами, «не было бы жилых покоев», «рестораций», «питейных домов», печей и не грели бы самоваров «в предупреждении несчастий, могущих случиться от огня»¹⁶.

По сведениям смотрителя Сергиевского посада Бибикова и градского главы Медведева, в 1852 г. в посаде было «торговых заведений: трактиров — 1, харчевен — 4, постоянных дворов — 21, питейных домов — 7, штофных и ведерных лавок — 2, винных погребов — 1, рейнских — 3, пивных лавок — 1, магазинов складочных торговых — 1, лавок, расположенных рядами каменных — 24, деревянных — 115, лавок отдельных — 15, в домах — 57»¹⁷.

Успешная коммерческая деятельность местного купечества была бы невозможна без ведения отъезжей торговли. Ведомость ратуши 1785 г. сообщает, что жители посада занимались «маркитентерством и торговлею в отдаленных городах и при полках разными припасами»¹⁸. В одних случаях это были поездки в другие города для закупки товара. В других случаях купцы организовывали стационарную торговлю или даже целую торговую сеть в отдаленном крупном городе. Такую деятельность развернул, например, в Киеве купец И. И. Горбунов, обосновавшийся там с 1770 г. В мае 1786 г. он просил паспорт на полтора года, так как «по той ево коммерции наступило время ему иметь щеты с ево кореспондентами и работнами людьми и собрания долгов с ево должников». В ареал торговой деятельности местных купцов попали обе столицы — Москва и Санкт-Петербург, а также города Александров, Белгород, Богородск, Вязьма, Дмитров, Зарайск, Звенигород, Калуга, Калязин, Переславль-Залесский, Ростов, Тула, Углич¹⁹.

Посадские купцы регулярно торговали на крупнейших ярмарках, в том числе на Ирбитской и Макарьевской. Часто купцы, привозившие в другой город партии товара, вынуждены были сбывать их в кредит, а не за наличные деньги. Полученные векселя служили платежным средством за проданный товар, поэтому суммы в них указаны не круглые и с копейками. Об этом свидетельствуют сохранившиеся книги протестованных векселей. По мнению В. Н. Захарова, цена товаров, продаваемых под вексель, была выше обычной рыночной цены, что и составляло прибыль по кредиту²⁰. В целом, товарный кредит был средством ускорения торгового оборота.

Сохранилось несколько писем купца А. А. Трегубова из Костромы и с Нижегородской ярмарки (1862–1863 гг.) с описанием сложностей выездной торговли: «Я торговать начал со вчерашнего дня, но только почти ничего не торговали. Ужасной дождь в субботу еще с утра начался и вчера весь день шол с ветром, так, что думали, что балаганы повалит. Чрез Волгу шел паром в это время, волной опрокинуло и человек 12 народу потонуло»; «Сдесь очень дурная погода, все дождь безперерменно и торговля очень тиха»; «Торговли нет по случаю страшных дождей каждый день проливных, так мешают, что и сказать нельзя»; «Здесь покупатели запишут с первых чисел, а берут сейчас только к 25 числу. Торгуем посредственно и дальше»²¹.

Активная стационарная и выездная коммерческая деятельность требовала наличия определенного числа надежных и расторопных помощников. Это могли быть как собственные сыновья и иные родственники купцов, так и наемные лавочные сидельцы, мальчики для услуг в лавках, разносчики, приказчики. В книгах записи условий и контрактов ратуши за 1782–1864 гг. сохранилось 127 документов о найме для торговли, в том числе 32 документа «для обучения торговому промыслу». Принципиальных отличий между учениками и работниками не было. Хозяева, как правило, брали на себя обязательства материального содержания одеждой, обувью и пищей как тех, так и других. Фиксированный размер денежного вознаграждения иногда дополнялся обязательством «отпустить в приличной по званию нашему одежде». В документах не уточнялось, каким именно торговым навыкам хозяева брались

обучать своих учеников. При этом ученикам вменялись в обязанность «услуги», «домашние услуги, какие препоручены будут», «услужение в лавке», «услужение... в лавке, а равно и в доме или куда будет послан», а также «ездить на ярмонки». Правда, в одном из документов 1824 г. хозяин, принимая на работу в лавку мальчика, брал на себя обязательство его «выучить писать по-русски»²². Видимо, к этому времени знание грамоты было необходимым и обязательным условием ведения торговли. В другом контракте 1851 г. об отдаче двух мальчиков для обучения кукольному мастерству есть важная приписка: «а естли и к торговли для лавки и ярмонки окажутся годными, и в том мне (матери детей. — *Н. Ч.*)... не препятствовать»²³. То есть с точки зрения участников договора торговля требовала больших способностей, чем ремесло. В совокупности информация этих документов свидетельствует, что ученики являлись «разновидностью работников» и ситуация с обучением торговле на местах мало изменилась за сто лет с первой половины XVIII в.²⁴

Вовлечение купечества в сферу производства было вполне закономерным и происходило в масштабах всей страны. В Сергиевском посаде с конца XVIII в. существовали мелкие промышленные предприятия: текстильные (шелковые, шелкомотальные, полотняные), медные (проволочные и купоросные), кирпичные, солодовенные. Позднее добавились свечносальные и кожевенные. Общее число предприятий постоянно возрастало: с 8–12 в конце XVIII в. до 16–19 в середине XIX в.²⁵

На рубеже XVIII–XIX вв. при проведении перепланировки Сергиевского посада пытались учесть особенности функционирования некоторых здешних предприятий: для скотобоен, кожевенных и других заводов, «от коих происходят нечистоты и дурной воздух», предлагалось новое место ниже посада. Но эта идея шла вразрез с пожеланиями митрополита Платона и не была реализована²⁶. Проблема возникла вновь в 1860-е гг. По инициативе особого врача Сергиевского посада Якобсона полицейское управление добивалось закрытия в посаде этих предприятий как наносящих «вред общественному здоровью». Не помогли даже ссылки владельцев на такие важные документы, как указ Московского губернского правления 1803 г. за № 32397 с разрешением на постройку на выделенных местах кожевенных заводов, план посада 1804 г., составленный московским землемером Жилиным, а также данные, выданные ратушей Сергиевского посада в 1804 г. За неподчинение властям владельцы (6 чел.) были преданы суду с наложением на каждого штрафа в 15 руб. Тем не менее, предприятия выжили и продолжали существовать и в конце XIX в.²⁷

Необходимо учитывать, что большая часть промышленных предприятий рассматриваемого времени скорее напоминала мастерские, на которых работы производились силами членов хозяйской семьи с одним-тремя наемными работниками. Такими к середине XIX в. оставались кожевенные, солодовенные и свечносальные заводы. Наиболее крупными были несколько текстильных (полотняных и шелковых) фабрик и медно-проволочные заводы. Именно на них число наемных работников составляло немногим более 20 человек на каждом²⁸. На рисунке в «Описании Московской губернии» 1800 г. имеется изображение шелковой фабрики Жирнова (см. рис. 2 на с. 600). Внешне,

за исключением большего числа окон на фасаде, она мало чем отличалась от обычных жилых строений в Сергиевском посаде (хорошая освещенность — важнейшее условие шелкоткацкого производства).

Р и с у н о к 2. Шелковая фабрика Жирнова. Фрагмент
(РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18861. Ч. 9. Л. 147)

На продукции фабрики было тканное клеймо «МОС.ГУБ.СЕРПОС.Ш.Ф.С.И.Ж.» («Московской губернии Сергиевского посада шелковой фабрики содержателя Ивана Жирнова»). Сохранился образец двухцветного тонкого шелка с этим клеймом (см. рис. 3). Это редкий случай, когда мы одновременно имеем ведомости фабрики, ее изображение и образец продукции²⁹.

Р и с у н о к 3. Клеймо на шелке фабрики Жирнова
(РГАДА. Ф. 277. Оп. 3. Д. 632. Л. 143 об.)

Текстильное производство в Сергиевском посаде испытало кризис на рубеже XVIII–XIX вв., но выжило и продолжало существовать на протяжении всего XIX в. При этом персональный состав фабрикантов и ассортимент выпускаемой продукции сменились полностью. К тому же, если к 1800 г. из шести владельцев только двое были жителями посада, то в 1860-е гг. из пяти фабрикантов только один числился московским купцом³⁰. Владельцы других предприятий в течение всего рассматриваемого периода относились к числу местных жителей. Исключение составляет только владелец фаянсового завода баварец Ф. Л. Дельмас.

Еще одной особенностью предприятий, находившихся в Сергиевском посаде, являлось практически полное отсутствие машин. Исключением были только медные заводы. Так, в 1841 г. на заводе купца А. Е. Ерофеева для улучшения производства использовались «3 машины вновь изобретенные для тянущия проволоки лошадьми». Видимо, аналогичные машины появились к 1845 г. и у купца И. И. Шапошникова. В совокупности все эти сведения подтверждают мнение В. А. Ткаченко, что подобные предприятия нужно отнести «к мелкой промышленности, для которой характерно преобладание ручного труда и незначительные по количеству работников производственные коллективы»³¹.

Однако, как сказано в одном из статистических источников, «главную промышленность жителей Сергиевского посада составляет приготовление резных от руки деревянных игрушек, которые расходятся по самым отдаленным губерниям. Производством игрушек заняты 20 домов купеческих и 200 мещанских, с оборотным капиталом до 60 000 рублей»³². Именно в этом виде производства были достигнуты самые значительные успехи. Производство и реализация товара были связаны между собой на разных этапах, поэтому значительную роль в промысле играло купечество. Некоторые купцы определяли ассортимент и обеспечивали мастеров необходимыми материалами. Другие организовывали производство в своих собственных домах. И, конечно, готовая продукция реализовывалась ими в собственных и наемных лавках, на ярмарках, в обеих столицах. В 1808 г. купцы организовали «артель пяти компаньонов» для совместной торговли, в том числе в Санкт-Петербурге в наемной лавке напротив Гостиного двора. В 1810 г. компаньоны заключили контракт о постройке и функционировании «мастерской избы», вся продукция которой предназначалась для реализации в лавках артели. В 1814 г. специально для Макарьевской ярмарки купец В. Г. Дудин заказал две тысячи дюжин «китайской щепы» в мастерской купеческого сына И. Я. Ушатова³³. Кроме деревянных резных кукол, требующих большого мастерства от изготовителя и по этой причине дорогих и не для всех доступных, в посаде производились дешевые аналоги — лепные из папье-маше расписные игрушки, дававшие возможность изготавливать одно изделие за другим по одной модели, серийно и массово. Продукция мастерской купца А. Г. Сафонова демонстрировалась в 1867 г. на всемирной выставке в Париже, а рядом с Главным зданием Нижегородской ярмарки была лавка игрушек посадского купца Н. А. Овчинникова³⁴, которую можно видеть на открытке рубежа XIX–XX вв. (см. рис. 4 на с. 602).

Р и с у н о к 4. Открытка с видом на Главный дом Нижегородской ярмарки (конец XIX – начало XX в.)

Предпринимательская деятельность купечества Сергиевского посада была ориентирована на удовлетворение потребностей населения внутри страны. Это было возможно благодаря постоянным усилиям со стороны купцов, их способности терпеливо сносить тяготы отечественных дорог, рискованных переправ, стихийных бедствий, неустроенного быта, от умения «выяснять конъюнктуру рынка, цену товара, условия торговли на разных рынках», умения «отбирать товар при оптовых закупках», постигать «механизм кредитных сделок», учиться «брать подряды, нанимать транспортных работников, рассчитывать издержки и прибыль, и многое другое, с чем они сталкивались в процессе торговой деятельности»³⁵.

П р и м е ч а н и я

¹ *Четырина Н. А.* Сергиевский посад в конце XVIII — начале XIX вв.: (Посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006. С. 24–47.

² Там же. С. 57.

³ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 2. Д. 59. Л. 318, 318 об.

⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 17. Д. 1430. Л. 10.

⁵ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 19. Л. 5 об. –6.

⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 1172. Л. 2, 4, 7, 11, 13 об.–18; *Филимонов К. А.* Сергиев Посад: Страницы истории XIV — начало XX века. М., 1997. С. 70.

⁷ *Балдин В. И.* Загорск: История города и его планировки. М., 1981. С. 148.

⁸ *Четырина Н. А.* Сергиевский посад в конце XVIII — начале XIX вв... С. 231.

- ⁹ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 53. Л. 80; Д. 58. Л. 173, 176, 183; Д. 59. Л. 273, 316; *Четырина Н. А.* Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевского посада (1795–1863). М., 2012. С. 38–41.
- ¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 59. Л. 146 об., 222 об., 343 об., 354, 357.
- ¹¹ *Филимонов К. А.* Сергиев Посад... С. 80–81.
- ¹² Там же. С. 81–82; *Балдин В. И.* Загорск... С. 58, 148.
- ¹³ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 2. Д. 48. Л. 6 об.–7.
- ¹⁴ *Балдин В. И.* Загорск... С. 148.
- ¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 2. Д. 83. Л. 6–6 об.
- ¹⁶ *Балдин В. И.* Загорск... С. 64.
- ¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 17. Д. 1430. Л. 21–22, 24.
- ¹⁸ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 311. Л. 32 об.
- ¹⁹ *Четырина Н. А.* Сергиевский посад в конце XVIII — начале XIX вв... С. 177–179.
- ²⁰ *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 530.
- ²¹ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 594. Л. 19, 20, 21, 22.
- ²² Там же. Оп. 2. Д. 51. Л. 1 об.
- ²³ *Четырина Н. А.* «Для науки кукольного мастерства»: Художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). М., 2015. С. 198.
- ²⁴ *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: (20-е — начало 60-х годов). М., 1999. С. 342.
- ²⁵ *Ткаченко В. А.* Промышленное развитие Сергиево-Посадского края в XIX — начале XX в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. 2005. М., 2006. С. 80–120; *Четырина Н. А.* 1) Сергиевский посад в конце XVIII — начале XIX вв... С. 212–224; 2) Текстильное производство в Сергиевском посаде на рубеже XVIII–XIX вв. (По материалам Мануфактур-коллегии) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы VIII Междунар. науч. конф., 3–5 окт. 2012 г. Сергиев Посад, 2013. С. 144–157; 3) «Заведение приносит не выручку, а значительный убыток»: Судьба баварского подданного предпринимателя в Сергиевском посаде. Первая половина XIX в. // Исторический архив. 2012. № 6. С. 156–161.
- ²⁶ *Балдин В. И.* Загорск... С. 45, 53.
- ²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 622. Л. 136, 176; *Ткаченко В. А.* Промышленное развитие Сергиево-Посадского края... С. 94–95, 97.
- ²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 33. Д. 63. Т. 1. 1859 г. Л. 109–112.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18861. Ч. 9. Л. 147; РГАДА. Ф. 277. Оп. 3. Д. 632. Л. 143 об.
- ³⁰ *Четырина Н. А.* Текстильное производство... С. 151–152.
- ³¹ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 10. Д. 1. Л. 68 об.–69; *Ткаченко В. А.* Промышленное развитие Сергиево-Посадского края... С. 89, 93.
- ³² Статистика городов. [Вып. 2. М – П. СПб., 186?]. С. 40–41 (XXI. Московская губерния).
- ³³ *Четырина Н. А.* «Для науки кукольного мастерства»... С. 91–92, 212–215.
- ³⁴ Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. СПб., 1867. С. 39, 57; Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1893 год. Н. Новгород, 1893. С. 217–218.
- ³⁵ *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке... С. 341.